

«От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых...».
Дневник Льва Тихомирова

В последнее десятилетие жизнь и труды Льва Тихомирова привлекли внимание историков, философов и публицистов.[1] Анализу его взглядов было посвящено несколько диссертационных работ.[2] Переиздаются его старые труды, публикуются и новые архивные материалы; самым значительным из которых стал труд «Религиозно-философские основы истории» и повесть «В последние дни», опубликованная С.М. Сергеевым.[3]

Лев Александрович Тихомиров родился 19 (31) января 1852 в Геленджике, в семье военного врача. В 1864 поступил в Александровскую гимназию в Керчи, где увлекся революционными идеями. Впоследствии он вспоминал: «Что мир развивается революциями – это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро. Чем больше времени прошло без революции, тем, стало быть, меньше осталось ждать... Само собой, при известном мирозерцании люди ждали «пришествия» с радостью... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел».[4] Тихомиров закончил гимназию с золотой медалью, и в августе 1870 поступил на юридический факультет Московского университета, откуда вскоре перевелся на медицинский, где с головой погрузился в революционную работу, став одним из активных участников народнического движения. Осенью 1871 вошел в кружок «чайковцев», а в 1873 переехал в Петербург, где продолжал заниматься революционно-пропагандистской деятельностью. В ноябре того же года он был арестован; более 4-х лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. В октябре 1877 проходил по «процессу 193-х» народников-пропагандистов. Тихомиров, которому годы тюрьмы компенсировали срок наказания, был освобожден в начале 1878. Однако и это наказание показалось ему чрезмерным. По его мнению, «мальчик, полный жизни», был наказан «за вздор, за дурацкую брошюру». После освобождения Тихомиров был отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания. «При моей молодости и жажде широк[ого] наблюдения – вспоминал он впоследствии – эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов, даже не зная, кого из революционных друзей сумею разыскать. С этого момента начинается моя нелегальная жизнь...».[5]

К тому времени авторитет Тихомирова в революционной среде значительно возрос, чему способствовали годы, проведенные в заключении. У него завязался роман с С.Л. Перовской. Еще когда Тихомиров находился в Доме предварительного заключения, Перовская, используя обычную практику революционеров, применяемую ими для связи с находившимися в заключении, представлялась его невестой. Именно Перовская, предложила Тихомирову, высланному на родину, в Новороссийск, покинуть ссылку. Как впоследствии утверждал Тихомиров, это предложение было «последней каплей, решительным ударом». О степени увлеченности Тихомирова Перовской говорит и то, что он даже сообщил родителям о возможной свадьбе, но все получилось иначе. Он познакомился с уроженкой города Орла, Екатериной Дмитриевной Сергеевой, учившейся на фельдшерских курсах, и летом 1880 использовав фальшивый паспорт, обвенчался с ней. Вопреки неписаной революционной традиции, брак закреплялся церковным обрядом венчания, на котором шафером был Н.К. Михайловский. Судьба дала Тихомирову сыновей – Николая и Александра (последний в 1907 примет постриг с именем знаменитого Воронежского святителя Тихона); и дочерей – Веру и Надежду.

После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» Тихомиров примкнул к последней, став членом Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Он успешно справлялся со своими задачами. Одним из наиболее известных произведений революционной пропаганды стала написанная Тихомировым «Сказка

о четырех братьях», которая, по словам П.А. Кропоткина, «всем очень понравилась».[6] В.Г. Короленко вспоминал, что эта сказка широко использовалась для пропаганды в крестьянской среде и имела там успех. Но уже в этот период Тихомиров начинает сомневаться в правоте своего дела. На одном из заседаний ИК «Народной воли», проходившем в середине 1880-го года, он заявляет о своем желании выйти из революционной организации. А.П. Прибылева–Корба вспоминала, что эта сцена была «в высшей степени мучительна». Товарищи напомнили Тихомирову о том, что по условиям устава Исполнительного комитета о выходе из него не может быть и речи, и единогласно решили дать ему «временный отпуск для поправления здоровья». А.Д. Михайлов, арестованный через несколько месяцев после этого заседания, писал из тюрьмы о необходимости «беречь и ценить» Тихомирова как «лучшую умственную силу», и просил прощения за то, что часто упрекал его в бездействии.[7] Но сам Тихомиров к этому времени уже не был тем «Тигричем», которым знали его товарищи. К нему больше подходила другая подпольная кличка – «Старик». Душевные метания и жизнь нелегала отразились не только на внутреннем состоянии, но и на внешности Льва Александровича. Одна из соратниц по «Народной воле», Ольга Любатович так описала его портрет конца 70-х годов: «В нашей среде Л. Тихомирова звали стариком. И в самом деле, этот худой, с бритым, ради конспирации, поддепартаментски подбородком и английскими баками человек, с маленькими выцветшими серыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался стариком, хотя ему вряд ли было за 30...».[8]

В этот период Тихомиров в своих взглядах исходил из признания принципа исторической самобытности русского «государственного организма». Он был сторонником централизованной государственной власти, полагая, что «одним их важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают внимание наше от этого важного вопроса. А между тем, именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать».[9] Тихомиров последовательно отстаивал заговорщическую тактику, предполагая осуществить захват власти силами заговорщической организации. В статье «Желательная роль народных масс в революции» [10] он подвергал сомнению наличие у народных масс политической сознательности. Ведущая роль в захвате власти и воплощении в жизнь принципов справедливого социального устройства должна была принадлежать революционерам и их партии. По собственному признанию, Тихомиров, «к *террору* касательства прямого не имел... хотя и состоял в тесных связях с террористами».[11]

В связи с критическим отношением к террористическим методам борьбы у него возникли разногласия с Н.А. Морозовым при подготовке «Программы Исполнительного комитета», в которой террор особо не выделялся, а был перечислен наряду с другими формами борьбы; ближайшей задачей партии ставился политический переворот с целью передачи власти Учредительному собранию, которое должно было перестроить все государственные и общественные учреждения согласно указаниям избирателей. Предполагалось, что задача захватившего власть временного правительства будет состоять в том, чтобы явиться на помощь народной революции, революционизировать народные массы и организовать их. «В народных понятиях и привычках точно также находится в наличности достаточно элементов для успешной организации его сил. Крестьянство умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно ею распоряжаться. Временное правительство не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны, а между тем каждый шаг, сделанный в смысле такого употребления власти, укрепляет временное правительство, постоянно увеличивая, с одной стороны, количество сил, его поддерживающих, и в такой же мере ослабляя все больше и больше его противников».[12] Аграрный вопрос следовало решать «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися», что привело бы к ослаблению дворянства и буржуазии. Организация национального производства осуществлялась бы на началах, отличных от западно-европейских, в ре-

зультате чего «предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на служение народу, на организацию его общественного **производства**».[13]

После убийства Александра II и разгрома «Народной воли» Тихомиров в 1882 г. уехал за границу. В Париже, вместе с П.Л. Лавровым редактировал журнал «Вестник Народной воли» (1883–86). В эмиграции во взглядах Тихомирова произошел серьезный перелом. Его размышления о пройденном жизненном пути, были печальными. Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем и болезнью сына (менингит): «Наши денежные дела отчаянно плохи. Без увеличения – я начинаю видеть перед нами не только банкротство (по типографии мы все больше **залезаем** в долги), но даже голодную смерть» (25 октября 1884 г.). [14] Пытаясь найти ответ на мучившие его вопросы, Тихомиров обратился к Библии. Все чаще и чаще книга открывалась на фразе «И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона...» (Деян., 7, 10). Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова неожиданно озарило: «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?». Он начинает ходить в церковь, часто берет туда сына, которому рассказывает о Боге и России. Постепенно Тихомиров все больше и больше начинал верить в то, что он имеет «некоторую миссию». Так происходило его внутреннее перерождение. Предпосылки к этому уже имелись. «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, - вспоминал Тихомиров. – Я только не верил в Бога, я имел материалистическое мирозерцание. Но я как-то боялся воевать с Богом, - меня от этого что-то удерживало. Один раз во всю жизнь я написал: «Мы не верим больше в руку Божью», и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне, как ложь и как нечто нехорошее».[15]

Помочь в реконструкции душевных метаний Тихомирова могут его записи, которые являются уникальным источником. Дневники, относящиеся к промежутку времени с 1883 г. по октябрь 1917 г. хранятся в личном фонде Л.А. Тихомирова, который находится в Государственном архиве Российской Федерации (ф.634).[16] Всего они составляют 27 единиц хранения. Множество подробностей из жизни автора, описание его размышлений, окружавшей его обстановки, – все это позволяет нам увидеть противоречивый внутренний мир Тихомирова. Часть записей за 1883-1895 гг., и 1904-1906 гг. была опубликована в конце 20-х – начале 30-х гг.[17]

Обращаясь к дневнику, мы видим, как с каждым месяцем росло отчаяние Тихомирова. В 1884 одна за другой следуют записи: «Я еще никогда не был в таком настроении, близком к отчаянию. Будущее темно (27 октября)»; «Страшно за будущее! Иногда я спокоен и чувствую какое-то странное утешение, когда думаю, что одна секунда, одно движение пальца может навсегда освободить от всякой гадости и тяжести. Но это редко. Я все еще боюсь смерти, и иногда хочется жить, безумно хочется. Вообще паскуднейшее состояние. Чем-то это кончится! (30 ноября)»; «Все рушится кругом» (17 декабря).[18] 5 января 1888 г. Тихомиров записывает в дневнике о радикальных революционерах: «Я теперь от них на 10000 верст. Я безусловно ничего общего с ними не имею, и просто начинаю ненавидеть то *бунтовское* направление и настроение, которые составляют существеннейшую подкладку нашего революционного движения».[19] Задумываясь о будущем, он не видел впереди ничего хорошего: Передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни... Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже, - страшно сказать, - тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею. Ужасно! Еще немного, - и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгнуться в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна... Это ужасно, это возмутительно!» (12 июня 1888 г.).[20] В том же году вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», которая окончательно подвела черту под его революционным прошлым. Уже 12 сентября Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании, в котором пишет о своем нелегком пути от революционного радикализма к монархизму, о том, что своими глазами увидел «как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев», о «горьком раскаянии»; просил «отпустить... бесчисленные вины